

18+

Томас Гарди
ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
Этюд характера

Томас Гарди

Возлюбленная. Этюд характера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70261252

ISBN 9785006216334

Аннотация

Скульптор Джослин Пирстон – творческий человек до мозга костей. Обладая поистине недюжинным воображением, он придумывает себе Возлюбленную и в течение сорока лет пытается отыскать её среди встречаемых им женщин, одновременно пытаясь создать её образ в скульптуре. Однако Возлюбленная оказывается хитрее: она постоянно ускользает от него как в искусстве, так и в жизни. В оформлении обложки использована картина братьев Мацциери «Портрет молодой женщины», 1490 г, Гос. музей Берлина (лицензия PDM 1.0)

Содержание

Thomas Hardy	5
Слово от переводчиков	6
Предисловие	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК	13
ДВАДЦАТИ ЛЕТ	
I. Мнимое представление о ней	13
II. Воплощение принимается за истину	21
III. Встреча	30
IV. Одинокая прохожая	33
V. Забота	40
VI. На грани	50
VII. Ее прежние воплощения	56
VIII. Похожая на вспышку молнии	65
IX. Знакомые явления на расстоянии	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ – МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК	83
СОРОКА ЛЕТ	
I. Давний призрак становится явственным	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Возлюбленная Этюд характера

Томас Гарди

Переводчик Андрей Владимирович Гринько

Редактор к.ф.н. Елена Альвиановна Гринько

Корректор к.ф.н. Елена Альвиановна Гринько

Оформление обложки братья Аньоло и Доннино Домени-

ко дель Мацциери

© Томас Гарди, 2024

© Андрей Владимирович Гринько, перевод, 2024

ISBN 978-5-0062-1633-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Thomas Hardy
THE WELL-BELOVED
A sketch of a temperament
(перевод с английского
Елены и Андрея Гринько)

Слово от переводчиков

Роман «Возлюбленная. Этюд характера», впервые опубликованный в периодической печати в 1892 году, завершает цикл романов Томаса Гарди «Романы и фантазии», куда также вошли такие произведения, как «Взор синих глаз» (1873), «Старший трубач полка» (1880), «Двое на башне» (1882), «Собрание благородных дам» (сборник рассказов, 1891).

Предлагаемый читателю роман Гарди неслучайно включил именно в этот цикл своих произведений и завершил оный им, ведь из всех остальных он, пожалуй, в максимальной мере соответствует названию сборника. Романтическими и фантазийными началами «Возлюбленная» проникнута буквально насквозь. Неспроста в уста главного героя вложена мысль, что вся жизнь его (а читателю представлены сорок лет жизни скульптора) – это не жизнь, а борьба с призраками. Несомненно, в голову Джослина Пирстона (главного героя) Гарди вложил многие (если не все) собственные мысли, глубоко прочувствованные и выстраданные. Одна из интересных особенностей романа – чёткая периодизация частей, с равными промежутками в 20 лет между ними. По сути перед глазами читателя проходит вся внутренняя жизнь человека с подлинно творческим мироощущением.

Интересно, что в седьмой главе второй части Гарди при-

бегают к своему излюбленному приему – описанию внешности героя через известное живописное произведение. Так посредством картины Рубенса «Суд Париса» мы узнаем то, как автор представлял себе одну из основных героинь – Эвис Вторую. При этом внешность самого Пирстона остаётся как бы в тумане – он стройный, моложавый, подтянутый, но без четких примет – что несомненно подталкивает читателя к мысли об аллюзии на внешность самого автора.

До 2023 года роман был не знаком русскоязычному читателю, однако даже на основании одного того, что он был написан в промежутке между «главными» произведениями автора – «Тэсс...» и «Джудом...» – и явился своего рода отдохновением от «тяжелых» тем – на основании уже одного этого «Возлюбленная» представляет особый интерес для читателя.

Отличиями данного перевода являются:

1. Искренняя любовь переводчиков к произведениям автора. Изначально мысль заняться переводами Гарди явилась отражением прочитанности на тот момент всего корпуса переводов писателя. После «Двое на башне» мы решили пойти дальше и поделиться с читателями своим видением этого замечательного романа и близким к оригиналу русским текстом, которого нам, на наш взгляд, удалось достичь, избегнув при этом пресловутого «буквализма». Из чего вытекает следующая особенность:

2. Точное следование оригиналу. Не секрет, что многие

современные, да и советские тоже, переводы грешат неточностями, что, по-нашему мнению, в первую очередь нечестно по отношению к самому автору, а потом уже и к читателю, у которого зачастую нет возможности и желания проверять текст по оригиналу, и он принимает все за чистую монету.

3. В конце книги добавлены примечания и приложения, призванные сделать чтение более информативным и интересным.

Предисловие

Высеченный временем из цельного камня полуостров, где происходит большинство описываемых сцен, с незапамятных времен был домом любопытного и весьма самобытного народа, придерживающегося странных верований и своеобразных обычаев, ныне по большей части утраченных. Эти причуды, подобно некоторым теплолюбивым растениям, которые не выносят тихих материковых заморозков, но благоденствуют у моря в самую суровую погоду, произрастают здесь, по-видимому, естественным образом, особенно среди того местного населения, которое не принимает активного участия в делах «Острова». Вот почему это место способно породить тип человека, подобного персонажу, несовершенно обрисованному на этих страницах, – местного уроженца, – которого одни могут назвать фантазером (если они удостоят его своим вниманием), а другие увидят в нем только того, кто следовал объективному постоянству и дал название тонкой мечте, которая в более или менее расплывчатой форме свойственна всем людям и отнюдь не нова для философов-платоников.

Для тех, кто знаком с изображенным здесь скалистым побережьем Англии – с видом на великолепную дорогу вдоль

Английского канала¹ со всей ее внушительностью и выдающуюся так далеко в море, что прикосновения Гольфстрима смягчают на ней воздух до самого февраля, – для них удивительно, что это место не слишком часто выбиралось в качестве места уединения художников и поэтов в поисках вдохновения – по крайней мере, лишь на месяц или два в году, причем предпочиталось бурное, а не погожее время года. Разумеется, в одном из этих уголков за счет своей страны отдыхают и другие гении, но их присутствие едва ли можно обнаружить. И все же, возможно, это и к лучшему, что сюда не приезжают творческие гости, иначе никто больше не услышал бы о маленьких домиках, покупаемых и продающихся здесь за пару сотен фунтов, построенных из цельного камня и датируемых XVI веком и ранее, со средниками², наличниками и карнизами. Эти сделки, кстати, заключаются и скрепляются договором, или до недавнего времени заключались, в приходской церкви, перед собранием прихожан, – таков древний обычай Острова.

Что касается самого повествования, то стоит отметить, что, отличаясь от всех или большинства других произведений этой серии тем, что интерес, на который оно направлено, носит идеальный или субъективный характер и, откровенно говоря, является плодом воображения, правдоподобие в по-

¹ Английский канал (англ. the English Channel) – английское название пролива Ла-Манш между побережьем Франции и островом Великобритания.

² Средник – средний поперечный брусок в оконных рамах или дверях.

следовательности событий было подчинено указанному замыслу.

Первая публикация этой истории в самостоятельном виде состоялась в 1897 году, но в периодической печати она появилась в 1892 году под названием «В поисках Возлюбленной». Несколько глав из того экспериментального выпуска были переписаны для придания повествованию нынешней и окончательной формы.

Т. Г.

Август 1912 года

Thomas Hardy

MR. THOMAS HARDY.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ДВАДЦАТИ ЛЕТ

*Теперь, коль Время знает
Ту, чье чело сияет,
Сплету венец ему из клятв моих;
Она осмелилась здесь быть,
Такой, какую жаждут видеть строки эти:
Уж большие не ищут я никого на свете.
Р. Крэшо³*

I. Мнимое представление о ней

Человек, не похожий на местных путников, поднимался по крутой дороге, именуемой Уэллс-Стрит, что вела через окруженный морем городок, образуя проход в Гибралтар Уэссекса, необычный полуостров, некогда бывший островом и до сих пор называемый таковым, и который вытянулся подобно птичьей голове в Английский канал. Он соединен с материком длинным тонким перешейком из гальки, «выброшенной бушующем морем»⁴, и в своем роде не имеет

³ Строки из поэмы Ричарда Крэшо (1613 – 1649) «Посвящение воображаемой возлюбленной» (1633).

⁴ Цитата из сочинения Джона Лиланда (англ. John Leland or Leyland (1503 – 1552)), английского поэта и антиквара, – «Путеводитель Лиланда по Англии

аналогов в Европе⁵.

Пешеход был тем, кем он и выглядел, – молодым человеком из Лондона или других городов страны. В данный момент никто не мог считать, что его урбанистичность сидела на нем только как одежда. Но он как раз вспоминал с некоторым укором самому себе, что прошло целых три года и восемь месяцев с тех пор, как он в последний раз навестил своего отца на этой одинокой скале его родины, и все это время он провел среди множества разительно отличающихся между собой обществ, народов, нравов и сцен.

То, что казалось обычным на острове, когда он жил здесь, после его последующих впечатлений выглядело причудливым и странным. Больше, чем когда-либо, это место казалось тем, чем, по слухам, когда-то было – древним островом Виндилия и родиной пращников. Возвышающаяся скала, дома над домами; порог дома одного человека, торчащий над дымоходом соседа; сады, вздымающиеся одним краем к небу; овощи, растущие на почти вертикальных плоскостях; единство всего острова как цельной глыбы известняка длиной в четыре мили – больше не были привычными и обыденными

и Уэльсу»: Часть III, где о месте действия настоящего романа, в частности, сказано: «На дальней точке маршрута в Портленд, начинающегося от Уэймута, есть точка суши, похожая на насыпь из камней и песка, выброшенных бушующим морем, по которой я прошел всего милю до самой нижней части гребней возвышенности Портленда, где с правой стороны давно построен мощный и великолепный замок».

⁵ Имеется в виду остров Портленд – известняковый остров в 6 км (4 мили) в длину и 2,4 км (1,5 миль) в ширину, расположенный в проливе Ла-Манш.

ми явлениями. Теперь все это выглядело ослепительно оригинальным и белым на фоне окрашенного моря, и солнце сверкало на бесконечно слоистых стенах из оолита⁶,

*Умерших циклов
скорбных руинах⁷,*

с выразительностью, что притягивала к себе взгляд так же сильно, как и любое зрелище, которое можно было созерцать на расстоянии.

После утомительного подъема он добрался до вершины и пошел по плато в сторону восточной деревни. Время – около двух часов дня, самый разгар летнего сезона, дорога была ослепительной и пыльной, и, приблизившись к дому отца, он присел на солнышке.

Человек протянул руку к камню рядом с собой. На ощупь он был теплым. Такова была собственная температура острова, когда он спал после полудня, как сейчас. Человек прислушался и услышал звуки: жужжание-жужжание, пила-пила-пила. Это был храп острова – звуки каменотесов и пильщиков камня.

Напротив того места, где сидел человек, находился просторный коттедж или усадьба. Как и остров, он был весь из камня – не только стены, но и оконные рамы, крыша, ды-

⁶ Оолит – осадочная порода, образованная из ооидов, сферических зерен, состоящих из концентрических слоев. Название происходит от древнегреческого слова *ὄον*, означающего яйцо.

⁷ Строка из драмы П. Б. Шелли (1792 – 1822) «Освобождённый Прометей» (1819), действие 4 приведена в переводе К. Д. Бальмонта.

моходы, забор, перелаз, свинарник, конюшня и даже чуть ли не дверь.

Он вспомнил, кто раньше жил там – и, вероятно, живет сейчас – семья Каро; «чалые лошадки» Карос, как их называли, чтобы отличить от других ветвей того же рода, поскольку на всем острове было всего полдюжины родов и фамилий. Он перешел дорогу и заглянул в открытую дверь. Да, они все еще жили здесь.

Миссис Каро, которая увидела его из окна, встретила его в прихожей, и между ними состоялось старомодное приветствие. Мгновение спустя дверь, ведущая из задних комнат, распахнулась, и в комнату вбежала молодая девушка лет семнадцати-восемнадцати.

– О, это дорогой Джос! – радостно воскликнула она. И, подбежав к молодому человеку, поцеловала его.

Такое проявление было достаточно милым со стороны обладательницы столь ласковой пары ярких карих глаз и каштановых локонов волос. Но это было так внезапно, так неожиданно для человека, только что приехавшего из города, что он на мгновение совершенно непроизвольно вздрогнул; и была некоторая скованность в том, как он ответил на ее поцелуй и сказал:

– Моя прелестная маленькая Эвис, как ты поживаешь после стольких лет?

В течение нескольких секунд ее порывистая невинность не замечала его удивление, но миссис Каро, мать девочки,

заметила это мгновенно. С болезненным румянцем она повернулась к дочери.

– Эвис... моя дорогая Эвис! Почему... что ты делаешь? Разве ты не знаешь, что ты выросла и стала женщиной с тех пор, как Джослин... мистер Пирстон – был здесь в последний раз? Разумеется, ты не должна сейчас поступать так, как поступала три или четыре года назад!

Возникшая неловкость едва ли была устранена заверением Пирстона в том, что он вполне ожидает от нее продолжения практики детства; за этим последовало несколько минут беседы на общие темы. Он был раздосадован до глубины души тем, что его неосознанное движение так выдало его. Уходя, он повторил, что, если Эвис будет относиться к нему иначе, чем раньше, он никогда не простит ей этого; но хотя они и расстались добрыми друзьями, на ее лице было видно сожаление по поводу случившегося. Джослин вышел на дорогу и направился к находившемуся неподалеку дому своего отца. Мать и дочь остались одни.

– Я совершенно поражена тобой, дитя мое! – воскликнула старшая. – Молодой человек из Лондона и зарубежных городов, привыкший к самым строгим манерам в обществе и к дамам, которые считают почти вульгарным широко улыбаться! Как ты могла так поступить, Эвис?

– Я... я не думала о том, как я изменилась! – проговорила девушка, терзаемая угрызениями совести. – Раньше я целовала его, а он целовал меня, прежде чем уйти.

– Но это было много лет назад, моя дорогая!

– О да, и на миг я забыла об этом! Он показался мне точно таким же, каким был раньше.

– Что ж, теперь уже ничего не поделаешь. Ты должна быть осторожна в будущем. Я ручаюсь, у него много молодых женщин и почти не осталось мыслей о тебе. Его называют скульптором, и говорят, что когда-нибудь он станет великим гением в этой области.

– Ну что ж, я это сделала, и этого уже не исправить! – простонала девушка.

Тем временем Джослин Пирстон, многообещающий скульптор, отправился в дом своего отца, человека, далекого от искусства, просто занимавшегося торговлей, от которого, тем не менее, Джослин соблаговолил принять годовое пособие в ожидании грядущих славных дней. Но старика, не получившего предупреждения о предполагаемом визите сына, не было дома, чтобы принять его. Джослин оглядел знакомые помещения, бросил взгляд через пустырь на огромные склады, внутри которых вечные пилы ходили взад и вперед по вечным каменным блокам – те же самые пилы и те же самые блоки, которые он видел здесь, когда был на острове в последний раз, так ему казалось, – а затем прошел через дом и вышел в сад на заднем дворе.

Как и все сады на острове, этот тоже был окружен стеной из сухих прутьев, а в дальнем конце выходил на угол, примыкавший к саду Карос. Не успел Джослин дойти до этого

места, как услышал бормотание и всхлипывания по другую сторону стены. Голос, который он сразу узнал, принадлежал Эвис, и она, казалось, делилась своей бедой с какой-то такой же юной подругой.

– О, что же мне делать! Что же мне делать? – с горечью говорила она. – Как это было дерзко, как бесстыдно! Как я только могла подумать о таком! Он никогда не простит меня – никогда, никогда я ему больше не буду нравиться! Он будет считать меня дерзкой девчонкой, и все же... и все же я совсем забыла, насколько выросла. Но в это он никогда не поверит!

За этими словами угадывалась та, кто впервые осознала свою женственность, как нежданное приобретение, которое стыдило и пугало ее.

– Он, должно быть, рассердился? – спросила подруга.

– О нет, не рассердился! Хуже. Он был холоден и надменен. О, он теперь такой модный человек – совсем не островитянин. Но нет смысла говорить об этом. Лучше бы я умерла!

Пирстон ретировался так быстро, как только мог. Он горевал из-за инцидента, который причинил такую боль этой невинной душе; и все же это начинало доставлять ему смутное удовольствие. Он вернулся в дом, и когда отец возвратился и поприветствовал его, и они вместе поужинали, Джослин снова вышел, преисполненный искреннего желания утешить горе своей юной соседки так, как она вряд ли ожидала; хотя, по правде говоря, его привязанность к ней

была скорее дружеской, чем любовной, и он ни в коей мере не был уверен, что та мигрирующая, неуловимая идеализация, которую он называл своей Любовью, и которая с самого детства перелетала из человеческой оболочки в человеческую оболочку неопределенное количество раз, собиралась поселиться в теле Эвис Каро.

II. Воплощение принимается за истину

Было тяжело встретиться с ней снова, даже несмотря на то, что на этой скальной глыбе трудность, как правило, заключалась не в самой встрече, а скорее в том, чтобы избежать ее. Но Эвис преобразилась в молодую женщину совсем иного типа из-за застенчивости, вызванной ее порывистым приветствием, и, несмотря на их близкое соседство, Джослин, как ни старался, никак не мог с ней встретиться. Не успевал он и на дюйм высунуться за дверь отцовского дома, как она, словно лиса, припадала к земле; и тут же бросалась наверх, в свою комнату.

Стремясь успокоить ее после той непреднамеренной обиды, он не мог долго выносить эти увертки. Нравы на острове были простыми и прямолинейными даже среди состоятельных людей, и однажды, заметив ее исчезновение, он последовал за ней в дом и далее к подножию лестницы.

– Эвис! – позвал он.

– Да, мистер Пирстон.

– Почему вы так бежите наверх?

– О... только потому, что я хотела подняться кое за чем.

– Что ж, когда вы все сделаете наверху, что хотели, не могли бы вы спуститься снова?

– Нет, я не могу.

– Спуститесь, *дорогая* Эвис. Вот кто вы для меня, вы ведь знаете.

Ответа не последовало.

– Что ж, если не хотите, то не надо! – продолжал он. – Я не хочу вас беспокоить. – И Пирстон ушел.

Он остановился, чтобы посмотреть на старомодные цветы под садовой оградой, когда услышал позади себя голос.

– Мистер Пирстон, я не рассердилась на вас. Когда вы ушли, я подумала... вы можете ошибаться во мне, и я почувствовала, что должна сделать не что иное, как прийти и заверить вас в своей дружбе.

Обернувшись, он увидел зардевшуюся Эвис прямо у себя за спиной.

– Ты хорошая, милая девочка! – сказал он и, схватив ее за руку, запечатлел на ее щеке поцелуй, который должен был стать ответом на ее поцелуй в день его приезда.

– Дорогая Эвис, прости меня за пренебрежение в тот день! Скажи, что простила. Давай, сейчас же! И тогда я скажу тебе то, чего никогда не говорил ни одной другой женщине, живой или мертвой: «Возьмешь ли ты меня в мужа?»

– Ах!.. Мама говорит, что я всего лишь одна из многих!

– Это не так, дорогая. Ты знала меня, когда я был юным, а другие – нет.

Так или иначе, ее возражения были преодолены, и, хотя она не дала немедленного согласия, она изъявила готовность встретиться с ним позже, во второй половине дня, и тогда

они прогулялись с ним до южной оконечности острова, называемой Устье, или, как говорят не местные, Клюв⁸, остановившись над коварной пещерой, известной как Пещерная Нора, в которую сейчас с ревом и плеском вливалось море, как это и было, когда они вместе посещали это место в детстве. Чтобы удержаться, заглядывая внутрь, он предложил ей руку, и она приняла ее, впервые как женщина, в сотый раз как его спутница.

Они побрели к маяку, где задержались бы подольше, если бы Эвис вдруг не вспомнила, что в этот вечер она должна была читать стихи с подмостков на Уэллс-Стрит, в деревне, расположенной у входа на остров, – деревне, которая теперь превратилась в город.

– Читать! – воскликнул он. – Кто бы мог подумать, что кто-то или что-то может декламировать здесь, внизу, кроме чтеца, которого мы слышим там, вдали, – никогда не умолкающего моря.

– О, но теперь мы вполне интеллектуальны. Особенно зимой. Но, Джослин, не приходи на чтение, ладно? Это испортит мое выступление, если ты будешь там, а я хочу быть не хуже других.

– Я не приду, если ты действительно этого не хочешь. Но я встречу тебя у двери и провожу домой.

– Да! – проговорила она, глядя ему в лицо. Сейчас Эвис была совершенно счастлива; в тот унижительный день его

⁸ Игра слов – англ. Veal – устье, Bill – клюв.

приезда она никогда бы не поверила, что будет так счастлива с ним. Добравшись до восточной стороны острова, они растались, чтобы она могла поскорее занять свое место на подмостках. Пирстон отправился домой, а после наступления темноты, когда настал час, чтобы проводить ее обратно, он пошел по средней дороге на север, к Уэллс-Стрит.

Он был полон дурных предчувствий. Он с давних пор так хорошо знал Эвис Каро, что теперь его чувство к ней было скорее дружеским, чем любовным; и то, что он сказал ей в порыве чувств тем утром, скорее ужасало его своими последствиями. Не то чтобы какая-нибудь из более утонченных и опытных женщин, привлекавших его поочередно, могла бы неловко встать между ними. Ведь Джослин совершенно разуверился в заблуждении, что предмет поклонения его воображения был неотъемлемой частью личности, в которой тот идеал пребывал долгое или короткое время.

* * *

Своей Возлюбленной он всегда был верен, но у нее было много воплощений. Каждая индивидуальность, известная как Люси, Джейн, Флора, Евангелина или кто-то еще, была всего лишь ее преходящим состоянием. Он воспринимал это не как оправдание или защиту, а просто как факт. По сути, она, пожалуй, не представляла собой ничего осязаемого; дух, мечта, безумие, понятие, благоухание, олицетворение пола, блеск глаз, приоткрытые губы. Одному Богу было

известно, кем она была на самом деле; Пирстону – нет. Она была неизъяснима.

Никогда особо не задумываясь над тем, что она была лишь субъективным феноменом, оживленным странными влияниями его происхождения и места рождения, открытие ее призрачности, ее независимости от физических законов и недостатков иногда вызывало у него чувство страха. Он никогда не знал, где она окажется в следующий раз, куда поведет его, имея мгновенный доступ ко всем сословиям и классам, во все обители людей. Иногда по ночам ему снилось, что она собственной персоной была «Зевса дочь, искусная в хитрых ковах⁹», вознамерившаяся мучить его за его преступления в искусстве против ее красоты – воистину, сама неумолимая Афродита. Он знал, что любит это маскирующееся существо, где бы он его ни находил, будь она с голубыми глазами, черными или карими; представлялась ли высокой, хрупкой или пухленькой. Она никогда не была в двух местах одновременно; но до сих пор она никогда не задерживалась в одном месте надолго.

Уяснив себе это незадолго до сегодняшнего дня, он избежал многих неприятных самобичеваний. Просто та, кто всегда привлекала его и вела, куда пожелает, как по шелковой нити, до сих пор не оставалась обительницей одной и той же плотской обители. Остановится ли она в конце кон-

⁹ Строка из сочинения Сапфо «Гимн Афродите» приведена в переводе В. В. Вересаева.

цов на ком-то одном, он сказать не мог.

Если бы он почувствовал, что она начинает проявляться в Эвис, он постарался бы поверить, что это конечное место ее переселения, и довольствовался бы соблюдением своих слов. Но видел ли он вообще в Эвис Возлюбленную? Вопрос был несколько тревожным.

Он достиг гребня холма и спустился к деревне, где на длинной прямой романской улице вскоре нашел освещенный павильон. Представление еще не закончилось, и, обойдя строение сбоку и встав на возвышение, он мог видеть внутреннее убранство вплоть до уровня подмостков. Очередь Эвис, или вторая очередь, наступила почти сразу. Ее милое смущение перед аудиторией вполне избавило его от сомнений. Она была, по правде говоря, тем, что называется «милой» девушкой; привлекательной, конечно, но, прежде всего, милой – одной из тех, с кем риск вступления в брак наиболее близок к нулю. Ее умные глаза, широкий лоб, задумчивая осанка свидетельствовали об одном: из всех девушек, которых он знал, он никогда не встречал ни одной, обладающей более очаровательными и цельными качествами, чем у Эвис Каро. Это было не просто предположение – он знал ее давно и досконально, каждое ее настроение и характер в целом.

Тяжелый фургон, проезжавший мимо, заглушил для него ее тихий голос; но зрители были довольны, и она раздурмянилась от их аплодисментов. Теперь он занял свое место у две-

ри, и когда люди перестали выходить, он нашел ее внутри, ожидающей его.

Они медленно поднимались домой по Старой дороге, Пирстон взбирался по крутому склону, держась за природо-рожные перила, и тащил Эвис за собой под руку. На вершине они обернулись и замерли. Слева от них небо веером расчерчивали лучи маяка, а под их фронтом, с периодичностью в четверть минуты, раздавались глубокие, глухие удары, похожие на одиночные удары барабана, промежутки между которыми заполнялись протяжным скрежетом, как от костей между огромными собачьими челюстями. Он доносился из обширной впадины бухты Мертвеца, нарастая и замирая у галечной дамбы.

Вечерние и ночные ветры здесь, по мнению Пирстона, были наполнены чем-то таким, чего не было в других местах. Они приносили это из той зловещей бухты на западе, чье движение сейчас слышали и она, и он. Это было присутствие – воображаемая форма или сущность человеческого множества, лежащего внизу: тех, кто пошел ко дну на военных кораблях, ост-индских моряков, на баржах, бригах и кораблях Армады – избранных людей, простых и униженных, чьи интересы и надежды были столь же далеки друг от друга, как полюса, но которые довели всех до единства на этом беспокойном морском дне. Можно было почти ощутить прикосновение их огромного составного призрака, когда он бесформенной массой носился по острову, взывая к какому-ни-

будь доброму богу, который снова разъединил бы их.

В ту ночь они долго бродили под этим воздействием – вплоть до старого церковного погоста, который лежал в овраге, образовавшемся в результате оползня много лет назад. Церковь опустилась вниз вместе с остальной частью утеса и давно превратилась в руины. Казалось, это говорило о том, что в этом последнем оплоте языческих божеств, где еще сохранялись языческие обычаи, христианство утвердилось в лучшем случае не очень надежно. В этом священном месте Пирстон поцеловал ее.

На этот раз поцелуй был отнюдь не инициативой Эвис. Ее прежняя демонстративность, казалось, только усилила ее нынешнюю сдержанность.

* * *

Тот день стал началом приятного месяца, проведенного ими в основном в обществе друг друга. Он обнаружил, что она может не только декламировать стихи на интеллектуальных собраниях, но и неплохо играть на пианино и петь под собственный аккомпанемент.

Он заметил, что задача тех, кто воспитывал ее, состояла в том, чтобы умственно увести ее как можно дальше от естественной и самобытной жизни обитательницы необычного острова: сделать ее точной копией десятков тысяч других людей, в обстоятельствах жизни которых не было ничего особенного, отличительного или колоритного; научить

ее забывать все пережитое ее предками; заглушить местные баллады песнями, купленными у модных продавцов музыки в Бедмуте, а местную лексику – языком гувернантки вообще из другой страны. Она жила в доме, который мог бы стать удачей для художника, и выучилась рисовать лондонские пригородные виллы по печатным репродукциям.

Эвис заметила все это еще до того, как он обратил внимание, но мирилась с этим с присущей девушке покорностью. По своей конституции она была местной до мозга костей, но не могла совсем избежать веяний времени.

Приближалось время отъезда Джослина, и она ждала этого с грустью, но безмятежно, поскольку теперь их помолвка была делом решенным. В связи с этим Пирстон подумывал о местном обычае, который веками существовал в его и ее семьях, поскольку оба они происходили из старинных родов острова. Приток «кимберлинов¹⁰», или «чужаков» (как называли приезжих с материковой части Уэссекса), в значительной степени привел к отказу от этого обряда; но под внешним лоском образованности Эвис дремали многие старомодные идеи, и он задавался вопросом, не сожалеет ли она, в своей естественной печали по поводу его отъезда, об изменении нравов, которое сделало непопулярным торжественное скрепление помолвки согласно обычаям их отцов и дедов.

¹⁰ Кимберлин – в Портленде (Дорсет, Англия) чужак; кто-то приезжий с материка.

III. Встреча

– Ну что ж, – сказал он, – вот мы и подошли к концу моего отпуска. Какой приятный сюрприз приготовил для меня мой старый дом, который я не считал нужным посещать в течение трех или четырех лет!

– Тебе обязательно уезжать завтра? – с беспокойством спросила она.

– Да.

Что-то, казалось, тяготило их; что-то большее, чем естественная грусть расставания, которое не должно было быть долгим; и он решил, что вместо того, чтобы уехать днем, как намеревался, он отложит свой отъезд до ночи и отправится почтовым поездом из Бедмута. Это даст ему время осмотреть каменоломни отца и позволит ей, если она захочет, прогуляться с ним по пляжу до замка Генриха Восьмого¹¹ на песках, где они могли бы задержаться и полюбоваться восходом луны над морем. Она сказала, что, пожалуй, сможет пойти.

Итак, проведя следующий день с отцом в каменоломнях, Джослин приготовился к отъезду и в назначенное время вышел из каменного дома, в котором он родился на этом камен-

¹¹ Имеется в виду Портлендский замок, один из цепи приморских укреплений вдоль южного побережья Англии, выстроенной в 1539—1547 годах по воле короля Генриха VIII для отражения ожидавшегося нападения французского и испанского флотов.

ном острове, чтобы прогуляться в Бедмут-Реджис по тропинке вдоль пляжа, поскольку Эвис некоторое время назад отправилась повидаться с друзьями на Уэллс-Стрит, что было на полпути к месту их свидания. Спуск вскоре привел его к галечному берегу, и, оставив позади последние дома острова и руины деревни, разрушенной ноябрьским штормом 1824 года, он зашагал вдоль по узкой полоске суши. Пройдя сотню ярдов, он остановился, свернул в сторону, к галечной гряде, отгораживавшей море, и сел, чтобы подождать ее.

Между ним и огнями кораблей, стоявших на якоре на рейде, медленно прошли двое мужчин в том направлении, куда он намеревался проследовать. Один из них узнал Джослина и пожелал ему спокойной ночи, добавив:

– Желаю вам счастья, сэр, в вашем выборе, и надеюсь, что свадьба состоится скоро!

– Спасибо, Сиборн. Что ж, посмотрим, как Рождество нам поможет в этом.

– Моя жена заговорила об этом сегодня утром: «Боже, пожалуйста, дай мне увидеть эту свадьбу, – сказала она, – я знаю их обоих с тех пор, как они еще ползали».

Мужчины пошли дальше, и когда они оказались вне пределов слышимости Пирстона, тот, кто молчал, спросил своего друга:

– Кто был этот молодой кимберлин? Он не похож ни на одного из нас.

– О да, он такой и есть, каждый дюйм его тела. Это мистер

Джослин Пирстон, единственный сын торговца камнем в восточных каменоломнях. Он собирается жениться на изящной молодой особе; ее мать, вдова, занимается тем же бизнесом, насколько может; но их оборот не составляет и двадцатой части оборота Пирстона. Говорят, он составляет тысячи и тысячи, хотя они продолжают жить на том же пустыре, все в том же доме. Этот сын творит великие дела в Лондоне как «резчик изображений»; и я помню, как мальчишкой он впервые начал вырезать солдатиков из кусочков камня, найденных в мягком слое отцовских каменоломен; а потом сделал набор шахматных фигурок из камня, так и пошло у него. Говорят, в Лондоне он вполне себе джентльмен; и удивительно, что вдруг решил вернуться сюда и взять малышку Эвис Каро – милую служанку, какой она и является, несмотря ни на что... Здравсьте-приехали! Скоро погода изменится.

Тем временем предмет этих замечаний ждал в условленном месте до семи часов, когда пробило время, назначенное между ним и его невестой. Почти в тот же момент он увидел фигуру, выходящую вперед от последнего фонаря у подножия холма. Но фигура быстро превратилась в мальчика, который, подойдя к Джослину, спросил, не он ли мистер Пирстон, и вручил ему записку.

IV. Одинокая прохожая

Когда мальчик ушел, Джослин вернулся по его следам к последнему фонарю и прочитал написанное рукой Эвис:

«МОЙ ДОРОГОЙ, мне будет жаль, если я хоть немного огорчу тебя тем, что собираюсь сказать о нашей договоренности встретиться сегодня вечером в развалинах Сэндсфута. Но мне показалось, что то, что я вижу тебя в последнее время так часто, побуждает твоего отца настаивать, а тебя, как его наследника, сочувствовать ему в том, что мы должны следовать обычаям Острова в наших ухаживаниях – ведь твои родные являются в непрерывной линии очень древними жителями Острова. По правде говоря, мама предполагает, что твой отец, по естественным причинам, мог намекнуть тебе, что так и должно быть. Теперь это противоречит моим чувствам: ведь порядки давно заброшены; к тому же мне это не нравится, даже если есть достояние, как в твоем случае, чтобы в какой-то мере оправдать это. Я бы предпочла довериться Провидению.

Но в целом будет лучше, если я не приду – хотя бы для видимости – и встречу с тобой в такое время и в таком месте, которые предполагает обычай, по крайней мере, если это известно кому-то, кроме нас самих.

Я уверена, что это решение не сильно тебя встревожит; что ты поймешь мои современные чувства и не будешь ду-

мать обо мне хуже из-за них. И, дорогой, если бы мы так сделали, и нам вдруг не повезло бы в этом, то мы оба могли бы иметь достаточно старых семейных чувств, чтобы думать подобно нашим предкам и, в частности, твоему отцу, что мы иначе не сможем достойно вступить в брак; и, следовательно, могли бы стать несчастными.

Однако ты скоро приедешь снова, не так ли, дорогой Джослин? И тогда в ближайшем будущем настанет время, когда больше не потребуется прощаний. Всегда и навеки твоя,

ЭВИС»

Джослин, прочитав письмо, был удивлен выказанной в нем наивностью, а также архаичной простотой Эвис и ее матери, полагавших, что обычай – все еще серьезный и действующий принцип, который для него и других покинувших остров уже был пережитком варварства. У его отца, как у стяжателя, могли быть практические пожелания по поводу наследников, которые придавали правдоподобие предположениям Эвис и ее матери; но Джослину он никогда не высказывался в пользу древних обычаев, каким бы старомодным он ни был.

Поэтому, забавляясь тем, что она считает себя современной, Джослин был разочарован и немного раздосадован из-за того, что такая непредвиденная причина лишила его ее общества. И как только старые понятия выжили в условиях нового образования!

Просим читателя помнить, что эти события, хоть и недав-

ние в истории острова Пращников¹², произошли более сорока лет назад.

* * *

Обнаружив, что вечер затянулся, и не имея желания возвращаться и нанимать экипаж, он быстро пошел дальше один. В столь открытом месте ночной ветер был довольно порывистым, а море за галечным барьером билось и металось в запутанных ритмах, которые с одинаковым успехом можно было интерпретировать как шум битвы или возгласы благодарности.

Вскоре на бледной дороге перед собой он различил фигуру, фигуру женщины. Он вспомнил, что мимо него прошла какая-то женщина, когда он читал письмо Эвис при свете последнего фонаря, и вот теперь он нагонял ее.

На мгновение он понадеялся, что это может быть Эвис, изменившая свое решение. Но это была не она и не кто-то, похожий на нее. Фигура у этой была выше и квадратнее, чем у его невесты, и, хотя стояла всего лишь осень, она была закутана в меха или в какую-то другую толстую и тяжелую одежду.

Вскоре он поравнялся с ней и смог разглядеть ее профиль на фоне огней рейда. Он был величественный, завораживаю-

¹² Гарди придумал для острова Портленд название «остров Пращников» (англ. Isle of Slingers), так как при обилии камней на острове издревле преобладало именно это вооружение – «праща».

щий, как у настоящей Юноны¹³. Ничего более классического он никогда не видел. Она шла размашистым шагом, но с такой легкостью и мощностью, что в течение нескольких минут разница в их скорости была незначительной; и все это время он размышлял и строил догадки. Однако он уже собрался было пройти мимо, когда она неожиданно обернулась и заговорила с ним.

– Мистер Пирстон, я полагаю, из восточных каменоломен?

Он подтвердил и только сейчас смог разглядеть, какое у нее было красивое, властное лицо – вполне подходящее к гордым интонациям ее голоса. Она была совершенно новым типажом в его опыте, и выговор у нее был не такой местный, как у Эвис.

– Не могли бы вы сказать мне, который час, пожалуйста?

Он взглянул на свои часы при свете спички и, сказав ей, что сейчас четверть восьмого, заметил по мгновенному отблеску огонька, что глаза у нее немного покрасневшие и воспаленные, как будто от слез.

– Мистер Пирстон, простите ли вы меня за то, что, пожалуйста, покажется вам весьма странным? Другими словами, могу я попросить вас одолжить мне немного денег на день или

¹³ Юнона – римская богиня, соответствовавшая греческой Гере, супруга и сестра Юпитера, пользовавшаяся еще большей властью на небе, чем греческая Гера. Вместе с Минервой и Юпитером она чествовалась в Капитолии, как покровительница римского государства. В Риме особенно выделялось ее значение, как покровительницы женщин.

два? Я была так глупа, что оставила свою сумочку на туалетном столике.

Это действительно показалось странным: и все же в образе молодой леди были черты, которые в одно мгновение уверили его в том, что она не мошенница. Он уступил ее просьбе и сунул руку в карман. На мгновение рука задержалась там. Сколько она имела в виду, говоря «немного денег»? Юнонианские качества ее фигуры и манер заставили его импульсивно погрузиться в гармонию с ней, и он ответил царственно. Он почуял романтику. Он протянул ей пять фунтов.

Его щедрость не вызвала у нее явного удивления.

– Этого вполне достаточно, спасибо, – тихо заметила она, когда он назвал сумму, чтобы не дать ей возможности увидеть ее самой.

Пока он догонял ее и разговаривал с ней, он не заметил, что поднявшийся ветер, который переходил от пыхтения к рычанию, а от рычания к реву с привычной здесь внезапностью своих перемен, наконец принес то, что и сулил этим своим непостоянством, – дождь. Капли, поначалу ударявшие в их левые щеки, словно пульки из пневматического ружья, вскоре приняли характер шквальной пальбы с противоположного берега, одного залпа которой было достаточно, чтобы пробить рукав Джослина. Рослая девушка отвернулась и, казалось, была несколько обеспокоена таким натиском, которого она явно не предвидела перед тем, как отправиться в путь.

– Мы должны найти укрытие, – сказал Джослин.

– Но где? – спросила она.

С наветренной стороны тянулся длинный однообразный берег, довольно низко громоздившийся, чтобы служить за-слоном, за ним слышался клыкастый хруст гальки в море, справа от них простиралась внутренняя бухта или рейд, далекие ходовые огни кораблей сейчас тускло мерцали там; позади них в низком небе то тут, то там вспыхивали слабые искры, показывающие, где возвышается остров; впереди же не было и не могло быть ничего определенного, пока они не добрались до шаткого деревянного мостика, расположенного в миле пути; замок Генриха Восьмого находился еще немного дальше.

Но прямо на самом верху берега, куда ее, по-видимому, вытащили, чтобы уберечь от волн, стояла одна из местных лодок, называемых лерретами¹⁴, дном кверху. Как только они увидели этот леррет, парочка, повинувшись одновременно порыву, устремилась к нему вверх по галечному склону. Затем они поняли, что он лежит там уже давно, и обрадовались, обнаружив, что леррет способен обеспечить большую

¹⁴ Леррет – тип гребной лодки, предназначенной для использования у пляжа Чесил на острове Портленд в Дорсете. Был деревянным, клинкерной конструкции и различался по размеру в зависимости от количества весел – у самого большого их было до восьми. Корма была острой, а днище судна – плоским. Восходит к 17 веку, а название является сокращением от «Леди Лорето» – первая лодка этого типа была построена местным корабельным мастером, который торговал с Италией и назвал ее в честь святыни в г. Лорето.

защиту, чем можно было предположить, глядя издалека. Он служил убежищем или складом для рыбаков, а дно его было просмолено и служило хорошей крышей. Забравшись ползком под носовую часть, которая нависала над берегом с подветренной стороны на подпорках, они пробрались внутрь, где на нескольких шверцах¹⁵, веслах и других обломках деревянных конструкций лежала куча сухого материала – целый невод. Вот сюда они и залезли, и уселись, не имея возможности стоять прямо.

¹⁵ Шверцы – дощатые крылья у малых судов, опускаемые с бортов на воду, чтобы менее уваливало.

V. Замота

Дождь обрушился на киль старого леррета, как зерно, горстями брошенное каким-то колоссальным сеятелем, и наступила полная темнота.

Они сидели, скрючившись, так близко друг к другу, что он чувствовал прикосновение ее меха. Никто из них не произнес ни слова с тех пор, как они сошли с дороги, пока она не проговорила с напускным безразличием: «Вот незадача!».

Он признал, что так оно и было, и после нескольких последующих замечаний обнаружил, что она, определенно, была вся в слезах, а в ее речи то и дело слышался сдавленный вздох горячности.

– Возможно, для вас это более незадача, чем для меня, – сказал он, – и мне очень жаль, что так вышло.

Она ничего не ответила на это, и он добавил, что здесь довольно пустынное место для женщины, одинокой и идущей пешком. Он надеялся, что не случилось ничего серьезного, что могло заставить ее выйти в такое неподходящее время.

Поначалу она, казалось, вовсе не была расположена открывничать о своих собственных делах, и ему оставалось только гадать о ее прошлом и имени, а также о том, откуда она могла знать его. Но поскольку дождь не подавал ни малейших признаков прекращения, он заметил:

– Я думаю, нам придется вернуться.

– Никогда! – произнесла она, и в этом слове была слышна твердость, с которой она сжала губы.

– Почему бы и нет? – поинтересовался он.

– На то есть веские причины.

– Я одно не могу понять, откуда вы знаете меня, в то время как я ничего не знаю о вас.

– О, но вы знаете меня – по крайней мере, слышали обо мне.

– В самом деле не знаю. Откуда мне знать? Вы – кимберлин?

– Нет. Я настоящая островитянка – или, вернее, была ей... Вы не слышали о компании «Бест-Бед Стоун»?

– Еще бы! Они пытались разорить моего отца, отобрав у него торговлю, или, по крайней мере, этого хотел основатель компании – старый Бенкомб.

– Это мой отец!

– Правда? Мне жаль, что я так неуважительно отозвался о нем, но я никогда не знал его лично. Передав свой крупный бизнес компании, он, насколько я понимаю, удалился в Лондон?

– Да. Наш дом, вернее, его, а не мой, находится в Южном Кенсингтоне¹⁶. Мы живем там уже много лет. Но в этом году

¹⁶ Южный Кенсингтон – южная часть Кенсингтона в Лондоне, которая вслед за проведением первой всемирной выставки по инициативе принца Альберта (1819 – 1861) была превращена в музейный городок Альбертополь. Основные культурно-просветительские учреждения викторианской эпохи расположены здесь вдоль Выставочной дороги.

мы арендовали замок «Сильвания»¹⁷, расположенный здесь, на острове. Мы взяли его на месяц или два у владельца, который в отъезде.

– Тогда я остановился совсем рядом с вами, мисс Бенкомб. У моего отца сравнительно скромная резиденция неподалеку.

– Но он может позволить себе большее, если бы захотел.

– Вы что-то слышали об этом? Я – нет. Он почти ничего не рассказывает мне о своих делах.

– Мой отец, – внезапно выпалила она, – всегда ругает меня за мою расточительность! И сегодня он делал это как никогда. Он сказал, что я хожу в городе по магазинам просто в дьявольских масштабах и превышаю свое содержание!

– Это было сегодня вечером?

– Да. А потом между нами разгорелась такая буря страстей, что я сделала вид, что ухожу в свою комнату до конца вечера, но на самом деле сбежала оттуда; и я больше никогда не вернусь домой.

– Что вы собираетесь делать?

– Сначала поеду к своей тете в Лондон, а если она меня не примет, буду сама зарабатывать на жизнь. Я навсегда рассталась со своим отцом! Что бы я делала, если бы не встретила вас, я не могу сказать – наверное, прошла бы пешком

¹⁷ Видимо, имеется в виду Пенсильванский замок – особняк в стиле готического возрождения на острове Портленд. Замок был построен в 1797—1800 годах по проекту архитектора Джеймса Уайетта (1746 – 1813).

весь путь до Лондона. А теперь я сяду на поезд, как только доберусь до материка.

– Если вы вообще когда-нибудь это сделаете в такой ураган.

– Посижу здесь, пока он не прекратится.

И так, на сетях, они и сидели там. Пирстон знал о старом Бенкомбе как о злейшем враге своего отца, который сколотил огромное состояние, поглотив мелких торговцев камнем, но счел отца Джослина слишком крупным, чтобы его переварить, – а ведь тот, по сути, и по сей день был главным конкурентом «Бест-Бед Компани». Джослину казалось удивительным, что судьба поставила его в такое положение, когда он должен был играть сына Монтекки перед этой дочерью Капулетти¹⁸.

Пока они разговаривали, у обоих возникло инстинктивное желание понизить голос, и по этой причине рев бури заставил их придвинуться совсем близко друг к другу. По мере того как проходили четверть часа за четвертью, в их голосах стало появляться что-то нежное, и они забыли о времени. Было уже довольно поздно, когда она опомнилась, встревоженная своим положением.

– Дождь или не дождь, я больше не могу здесь оставаться, – сказала она.

¹⁸ Монтекки и Капулетти – фамилии двух враждующих семей из драмы «Ромео и Джульетта» (1597) Уильяма Шекспира (1564—1616). Джульетта принадлежала к семье Капулетти, а ее возлюбленный Ромео – к Монтекки, враждующему клану, что и предопределило трагический конец любви главных героев пьесы.

– Пожалуйста, возвращайтесь, – сказал он, беря ее за руку. – Я вернусь с вами. Мой поезд уже ушел.

– Нет, я пойду дальше и найду ночлег в Бедмуте, если когда-нибудь доберусь до него.

– Уже так поздно, что там не будет ни одного открытого дома, кроме маленького заведения рядом с вокзалом, где вы вряд ли захотите остановиться. Однако, если вы полны решимости, я покажу вам дорогу. Я не могу вас оставить. Вам будет слишком неловко идти туда одной.

Она упорствовала, и они двинулись в путь сквозь звенящую и кружащуюся бурю. Море катилось и вздымалось так высоко слева от них и было так близко справа, что казалось, будто они идут по его дну, подобно сынам Израилевым¹⁹. Ничто, кроме хрупкого галечного берега, не отделяло их от бушующего залива, и при каждом ударе прилива о него земля сотрясалась, галька лязгала, брызги взмывали вертикально вверх и проносились над их головами. Большое количество морской воды просачивалось сквозь галечную стену и ручьями пересекало их путь, чтобы слиться с морем с другой стороны. «Остров» по-прежнему оставался островом.

До сих пор они не осознавали всей силы стихии. Прохожих часто сносило в море в этих местах, и они тонули из-за внезапного разлома в берегу, который, однако, обладал чем-

¹⁹ «Когда вошли кони фараона с колесницами его и с всадниками его в море, то Господь обратил на них воды морские, а сыны Израилевы прошли по суше среди моря» (Библия, Ветхий завет, Исход, 15 глава – Синодальный перевод).

то вроде сверхъестественной силы, поскольку был способен снова сомкнуться после такого разрушения, подобно облику сатаны, когда тот был рассечен надвое мечом Архангела Михаила:

*...но тут же ткань срослась
Эфирная; разъятой не дано
Ей оставаться долго²⁰.*

Ее одежда сильнее сопротивлялась ветру, чем его, и поэтому она подвергалась большей опасности. Отказаться от предложенной им помощи было невозможно. Сначала он протянул ей свою руку, но ветер разорвал их так же легко, как пару спелых вишен. Тогда он поддержал ее, обхватив рукой за талию; и она не возражала.

* * *

Где-то в это время – возможно, раньше, возможно, позже – он стал сознавать то чувство, которое в своей зарождающейся и нераспознанной форме таилось в нем с какого-то незамеченного момента, когда он сидел рядом со своей новой подругой под лерретом. Несмотря на молодость, он был уже стреляным воробьем, чтобы не понимать, что это такое, и почувствовал тревогу – даже смятение. Это означало возможное переселение Возлюбленной. Однако этого не произошло, и он продолжал думать о том, какой мягкой и теплой

²⁰ Строки из поэмы Джона Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай» (1667) приведены в переводе А. А. Штейнберга.

была эта леди в своем меховом одеянии, когда он так крепко обнимал ее; единственными сухими местами на одежде обоих были ее левая сторона и его правая, где они исключали попадание дождя своим взаимным давлением.

Как только они пересекли паромный мост, там было уже чуть больше укрытий, но он не отпускал ее, пока она не попросила его. Они миновали разрушенный замок и, оставив остров далеко позади, шли миля за милей, пока не приблизились к окраинам соседнего курорта. Туда они и направились, не останавливаясь, и перешли мост гавани около полуночи, промокшие до нитки.

Он жалел ее и, хотя был удивлен ее поступком, восхищался ее решимостью. Дома, выходящие окнами на залив, теперь полностью укрывали их, и они без труда добрались до конечной станции новой железной дороги (а именно таковой была станция тогда). Как он и говорил, поблизости был открыт только один дом, небольшая гостиница, где люди оставались до прибытия утренней почты и пассажиров с судов, курсирующих по Каналу. На их просьбу войти отодвинули засов, и они оказались в освещенном газом коридоре.

Теперь он мог увидеть, что, хотя у нее и была прекрасная фигура, почти такая же высокая, как у него самого, она была всего лишь в расцвете юной женственности. Ее лицо, безусловно, поражало, хотя скорее своей властностью, чем красотой; а от ударов ветра, дождя и брызг ее щеки приобрели цвет пиона.

Она упорствовала в своем намерении отправиться в Лондон ранним утренним поездом, и поэтому он предлагал советы только по второстепенным вопросам.

– В таком случае, – говорил он, – вы должны подняться в свою комнату и отослать вниз свои вещи, чтобы их немедленно высушили у огня, иначе они не будут готовы к утру. Я скажу слугам, чтобы занялись этим, и пришлю вам наверх что-нибудь поесть.

Она согласилась на его предложение, не выказав, однако, никаких признаков благодарности; и когда она ушла, Пирстон отослал ей легкий ужин, обещанный сонной девушкой, которая была «ночным портье» в этом заведении. Он и сам почувствовал зверский голод и принялся, как мог, сушить свою одежду и одновременно есть.

Сначала он сомневался, что делать, но вскоре решил остаться здесь до завтра. Укутавшись в пледы и найдя тапочки в шкафу, он ухитрился устроиться поудобнее, когда горничная спустилась вниз с охапкой влажной женской одежды.

Пирстон отошел от огня. Служанка опустилась на колени перед очагом и подняла вверх на вытянутых руках одно из одеяний Юноны, от которого тут же начало подниматься облачко пара. Встав на колени, девушка принялась клевать носом, приходила в себя и клевала снова.

– Ты хочешь спать, девочка моя, – проговорил Пирстон.

– Да, сэр, я уже давно не спала. Когда никого нет, я ложусь на кушетке в другой комнате.

– Тогда я избавлю тебя от этого; иди и приляг в другой комнате, как будто нас здесь и не было. Я высушу одежду и сложу вещи здесь в стопку, которую ты и отнесешь утром молодой леди.

«Ночной портье» поблагодарила его и вышла из комнаты, и вскоре он услышал ее похрапывание из соседнего помещения. Затем Джослин приступил к делу, перебирая одеяния и расправляя их одно за другим. Как только поднялся пар, он погрузился в задумчивость. Он опять ощутил перемену, произошедшую во время прогулки. Возлюбленная, переезжая из дома в дом, – перешла к обладательнице этого наряда.

Через десять минут он уже обожал ее.

А как насчет малышки Эвис Каро? Он уже не думал о ней так, как раньше.

Он не был уверен, что когда-либо видел настоящую Возлюбленную в этой подруге своей юности, как бы он ни заботился о ее благополучии. Но, независимо от того любил он ее или нет, он чувствовал, что дух, эманация²¹, идеализм, которые назывались его Любовью, украдкой перелетали от какой-то отдаленной фигуры к ближайшей в комнате наверху.

Эвис не сдержала своего обещания встретиться с ним в уединенных руинах, испугавшись собственных фантазий. Но на самом деле он в большей степени, чем она, был воспи-

²¹ Эманация (от лат. emanatio – истечение, распространение) – понятие античной философии, истечение из единого целого, высшей сферы Универсума к низшим, менее совершенным сферам; т.е. распространение избыточной полноты абсолютного Бытия.

тан в островной невинности, хранившей старые нравы; и таковы были странные последствия заблуждения Эвис.

VI. На грани

Мисс Бенкомб вышла из отеля и направилась к железной дороге, которая находилась совсем рядом и открыта была недавно, словно специально для этого события. По предложению Джослина, с целью развеять тревогу и предотвратить преследование, она написала сообщение отцу, что поехала к своей тете. Они вместе дошли до платформы и здесь попрощались; каждый самостоятельно купил билет, а Джослин еще забрал свой багаж из камеры хранения.

На платформе они встретились снова, и в их взглядах, обращенных друг к другу, был огонек, который словно по флэш-телеграфу сообщал: «Мы направляемся в один и тот же город, почему бы нам не сесть в одно купе?»

Так они и сделали.

Она села в углу, спиной к паровозу; он сел напротив. Кондуктор заглянул внутрь, подумал, что они влюбленные, и не размещал других пассажиров в этом купе. Они разговаривали на совершенно обычные темы; о чем она думала, он не знал, но на каждой остановке он боялся вторжения. Не успели они проехать и половины пути до Лондона, как событие, которое он только начал осознавать, стало очевидным фактом. Возлюбленная снова воплотилась; она заполнила каждую клеточку и изгибы тела этой женщины.

Приближение к большому лондонскому вокзалу было по-

добно приближению Судного дня. Как он мог оставить ее в суматохе многолюдных городских улиц? Она казалась совершенно неподготовленной к грохоту этих мест. Он спросил, где живет ее тетя.

– Бейсуотер²², – сказала мисс Бенкомб.

Он подозвал кэб и предложил ей разделить его с ним, пока они не приедут к ее тете, чей дом находился недалеко от его собственного. Как он ни старался, он не мог удостовериться, понимает ли она его чувства, но она согласилась на его предложение и села в экипаж.

– Мы старые друзья, – проговорил он, когда они тронулись.

– Действительно, так и есть, – отвечала она без улыбки.

– Но по происхождению мы смертельные враги, дорогая Джульетта.

– Да... Что вы сказали?

– Я сказал Джульетта.

Она рассмеялась не без гордости и прошептала:

– Ваш отец – враг моего отца, а мой отец – мой враг. Да, это так.

И тут их взгляды встретились.

– Моя царственная избранница! – воскликнул он. – Вместо того чтобы ехать к тете, может, вы выйдете за меня замуж?

Ее залил румянец, который казался сродни румянцу него-

²² Бейсуотер (англ. Bayswater) – жилой район западного Лондона.

дования. Впрочем, это было не совсем так, но она была взволнована. Она не отвечала, и он испугался, что смертельно оскорбил ее достоинство. Возможно, она использовала его лишь как подходящее средство в осуществлении своих намерений. Однако он продолжил:

– Тогда ваш отец не сможет вернуть вас обратно! В конце концов, все не так поспешно, как кажется. Вы знаете все обо мне, о моем прошлом, о моих перспективах. Я тоже знаю о вас все. Наши семьи были соседями на острове в течение сотен лет, хотя теперь вы – настоящий лондонский житель.

– Вы когда-нибудь станете членом Королевской Академии? – задумчиво спросила она, когда ее волнение улеглось.

– Я надеюсь стать... я стану им, если вы согласитесь стать моей женой.

Его спутница долго смотрела на него.

– Подумайте, каким бы это стало коротким путем к выходу из ваших затруднений, – продолжал он. – Никаких хлопот с тетушками, никакого возвращения в дом разгневанного отца.

Видимо, это убедило ее. Она уступила его объятиям.

– Сколько времени потребуется, чтобы пожениться? – спросила мисс Бенкомб между делом, явно сдерживая себя.

– Мы могли бы это сделать завтра. Я доберусь до «Докторс Коммонс»²³ сегодня к полудню, и разрешение будет готово

²³ «Докторс Коммонс» (англ. Doctors' Commons) – коллегия юристов по гражданским делам в Лондоне [коллегия была основана в 1509 г. и распущена

к завтрашнему утру.

– Я не поеду к своей тете, я буду независимой женщиной! Мне сделали выговор, как если бы я была шестилетним ребенком. Я стану вашей женой, если это так просто, как вы говорите.

Они остановили кэб, пока совещались. У Пирстона были комнаты и студия недалеко от Кэмпден-Хилл²⁴, но вряд ли было бы желательно везти ее туда, пока они не поженятся. Они решили отправиться в отель.

Таким образом, изменив направление, они вернулись на Стрэнд²⁵ и вскоре устроились в одной из почтенных старых таверн Ковент-Гардена, района, который в те дни часто посещали жители западных районов. Затем Джослин оставил ее и отправился со своим поручением на восток.

Было около трех часов, когда, уладив все предварительные приготовления, необходимые в связи с этой внезапной сменой курса, он медленно побрел обратно; он чувствовал себя сбитым с толку, и идти было облегчением. Время от времени заглядывая то в одну, то в другую витрину магазинов, он, словно по наитию, подозвал экипаж и направил кэбмена к «Меллсток Гарденс». Приехав сюда, он позвонил в дверь студии, и через пару минут ему открыл молодой че-

в 1858 г.]

²⁴ Кэмпден-Хилл (англ. Campden Hill) – холм в Кенсингтоне на западе Лондона.

²⁵ Стрэнд (англ. Strand) – центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности).

ловек в одной рубашке, примерно его возраста, с огромной измазанной палитрой на большом пальце левой руки.

– О, это ты, Пирстон! Я думал, ты в деревне. Входи. Я ужасно рад тебе. Я здесь, в городе, заканчиваю картину для одного американца, и он хочет забрать ее с собой.

Пирстон последовал за своим другом в мастерскую, где сидела за шитьем симпатичная молодая женщина. По сигналу художника она исчезла, не произнеся ни слова.

– Я вижу по твоему лицу, что тебе есть что сказать, так что оставим все это между нами. У тебя какие-то неприятности? Что будешь пить?

– О! Неважно что, лишь бы это был алкоголь в том или ином виде... А теперь, Сомерс, ты должен просто выслушать меня, потому что мне есть что рассказать.

Пирстон сел в кресло, а Сомерс возобновил свою работу над картиной. Когда слуга принес бренди, чтобы успокоить нервы Пирстона, и содовую, чтобы снять вредное воздействие бренди, и молоко, чтобы снять разрушительное действие содовой, Джослин начал свой рассказ, обращаясь скорее к готическому камину Сомерса, готическим часам Сомерса и готическим коврам, чем к самому Сомерсу, который стоял у своей картины немного позади своего друга.

– Прежде чем я расскажу тебе, что со мной случилось, – сказал Пирстон, – я хочу, чтобы ты узнал, что я за человек.

– Господи... я уже знаю.

– Нет, ты не знаешь. Это из тех вещей, о которых не любят

говорить. Я лежу ночью без сна и думаю об этом.

– О нет! – воскликнул Сомерс с большим сочувствием, видя, что его друг действительно встревожен.

– Я нахожусь под странным проклятием или влиянием. Я в затруднительном положении, озадаченный и сбитый с толку проделками одного существа – скорее, божества; Афродиты²⁶, как выразился бы поэт, как я сам изобразил бы это в мраморе... Но я забыл – это должен быть не жалобный плач, а защита – своего рода *apologia pro vita mea*²⁷.

– Так-то лучше. Стреляй залпом!

²⁶ Афродита – в греческой мифологии богиня красоты и любви.

²⁷ *Apologia pro vita mea* – оправдание моей жизни (лат.).

VII. Ее прежние воплощения

– Я знаю, ты, Сомерс, не из тех, кто продолжает предаваться распространенному во всем мире предрассудку, что Возлюбленная любого мужчины обычно или даже как правило старается оставаться в одном телесном закутке или оболочке сколь угодно долго, как бы ему ни хотелось обратного. Если я ошибаюсь, и ты все еще придерживаешься этого древнего заблуждения – что ж, моя история покажется тебе довольно странной.

– Предположим, ты имеешь в виду «Возлюбленная некоторых мужчин», а не «вообще любого мужчины».

– Ладно, я скажу, что одного мужчины, только этого человека, если ты так настаиваешь. Там, откуда я родом, мы – странная, мечтательная раса, и, возможно, этим все и объясняется. Возлюбленная этого единственного мужчины имела много воплощений – слишком много, чтобы описывать их в деталях. Каждое обличье, или олицетворение, было лишь временным пристанищем, куда она входила, жила там некоторое время и выходила оттуда, оставляя, к несчастью, субстанцию, насколько я мог судить, трупом! Так вот, в этом нет никакой спиритической чепухи – это простой факт, изложенный в доступной форме, которого так боится благопристойное общество. Вот тебе и принцип.

– Хорошо. Продолжай.

– Итак, первое ее воплощение произошло, насколько я помню, когда мне было около девяти лет. Ее пристанищем стала маленькая голубоглазая девочка лет восьми или около того, из семьи в одиннадцать человек, с льняными волосами до плеч, которые пытались завиваться, но лишь бесславно свисали как палки с крючками на дымоходе. Этот недостаток весьма беспокоил меня и явился, я полагаю, одной из главных причин отъезда моей Возлюбленной из этого дома. Не могу с какой-либо точностью вспомнить, когда произошел этот отъезд. Я знаю, что это точно было после того, как я поцеловал свою маленькую подругу на садовой скамейке в жаркий полдень, под синим клетчатым зонтиком, который мы раскрыли над собой, когда сидели, чтобы проходящие через восточные каменоломни люди не заметили наших знаков привязанности, при этом позабыв, что наша ширма может привлечь больше внимания, чем наши лица.

Когда все грезы закончились тем, что ее отец покинул остров, я подумал, что моя Возлюбленная исчезла навсегда (тогда я был в неопытном состоянии Адама при виде первого заката). Но это было не так. Исчезла Лаура²⁸, но не моя Возлюбленная.

В течение нескольких месяцев после того, как я перестал оплакивать ее версию с льняными волосами, моя Лю-

²⁸ Лаура – возлюбленная великого поэта Франческо Петрарки (1304 – 1374), которую он воспевал во множестве стихов. Имя Лауры стало нарицательным для прекрасной возлюбленной.

бовь не появлялась. А затем она пришла внезапно, неожиданно-негаданно, в обстоятельствах, которые я никогда не мог предположить. Я стоял на бордюрном камне тротуара в Бедмут-Реджисе, возле Подготовительной школы, и смотрел в сторону моря, когда по улице проехал джентльмен средних лет верхом на лошади, а рядом с ним молодая леди, тоже верхом. Девушка повернула голову и – возможно, потому что я глазел на нее с неловким восхищением или сам улыбался – улыбнулась мне. Проскакав несколько шагов, она снова оглянулась и улыбнулась.

Этого было достаточно, более чем достаточно, чтобы воспламенить меня. В мгновение ока я понял смысл информации, переданной мне моими чувствами, – Возлюбленная появилась вновь. Это второе обличье, в котором ей было угодно поселиться, принадлежало вполне взрослой молодой женщине, более смуглой, чем первая. Ее волосы, собранные в узел, были обычного каштанового цвета, как, думаю, и глаза; но изящество ее черт не было как следует рассмотрено при беглом взгляде. Тем не менее там находилась моя желанная, вновь воплощенная; и, поспешно попрощавшись со своими одноклассниками, так скоро, как только смог это сделать, не вызывая подозрений, я поспешил по эспланаде в том направлении, куда уехали она и ее отец. Но они пустили своих лошадей в галоп, и я не мог понять, в какую сторону они направились. В величайшем отчаянии я свернул в переулок, но вскоре пришел в восторг, увидев, что та же пара скачет

мне навстречу. Покраснев до корней волос, я остановился и героически посмотрел ей в лицо, когда она проносилась мимо. Она снова улыбнулась, но, увы! на щеках моей Возлюбленной не было румянца страсти ко мне.

Пирстон сделал паузу и отпил из своего бокала, на короткое мгновение переживая сцену, которую вызвал в своем воображении. Сомерс воздержался от комментариев, и Джо-слин продолжил:

– В тот день я слонялся по улицам, тщетно разыскивая ее. Когда я вновь увидел одного из мальчишек, что был со мной при ее первом появлении, я украдкой напомнил ему о случившемся и спросил, не знает ли он тех всадников.

«О да, – отвечал он. – Это были полковник Тардж и его дочь Элси».

«Как ты думаешь, сколько ей лет?» – спросил я, чувствуя, как несоответствие наших возрастов тревожит мой разум.

«О... девятнадцать, кажется, говорят. Послезавтра она выходит замуж за капитана Поппа из 501-го полка, и их сразу же направляют в Индию».

Горе, которое я испытал при этом известии, было таково, что в сумерках я отправился к краю гавани, намереваясь тут же покончить с собой. Но мне рассказывали, что находили крабов, прицепившихся к лицам мертвых людей, упавших в этом месте, и они неторопливо поедали их, и мысль о столь неприятном обстоятельстве отпугнула меня. Должен заметить, что замужество моей Возлюбленной мало волно-

вало меня; именно ее отъезд разбил мне сердце. Больше я никогда не видел ее.

Хоть я уже знал, что отсутствие телесной материи не влечет за собой отсутствие сообщающейся души, я с трудом мог заставить себя поверить, что в данном случае возможно ее возвращение в мое поле зрения без той оболочки, в которой она пребывала в прошлый раз.

Но она вернулась.

Однако это произошло только через некоторое время, в течение которого я прошел через тот медвежий возраст мальчиков, их ранний подростковый возраст, когда девочки вызывают у них особое презрение. Мне было около семнадцати, и однажды вечером я сидел за чашкой чая в кондитерской на том же самом курорте, когда напротив меня села леди с маленькой девочкой. Некоторое время мы смотрели друг на друга, ребенок заигрывал, пока я не сказал: «Она хорошая малышка».

Леди согласилась, и я сделал еще одно замечание.

«У нее такие же ласковые, прекрасные глаза, как у ее матери», – сказал я.

«Как вы думаете, у нее хорошие глаза?» – спросила леди, как будто не слышала того, что слышала лучше всего, – последних трех слов моего мнения.

«Да, безупречные копии», – сказал я, глядя на нее.

После этого мы очень хорошо поладили. Она сообщила мне, что ее муж уплыл на яхте, и я сказал, что жаль, что он

не взял ее с собой на прогулку. Постепенно она раскрылась в образе брошенной молодой жены, а позже я встретил ее на улице уже без ребенка. Она шла на пристань встречать своего мужа, но дороги не знала.

Я предложил провести ее, что и было сделано. Не буду вдаваться в подробности, но впоследствии я видел ее несколько раз и вскоре обнаружил, что Возлюбленная (в отношении местонахождения которой я так долго терзался) скрывается здесь. Хотя почему она выбрала именно это дразнящее состояние в облике недоступной замужней женщины, когда столько других предложений, было сверх моего понимания. Все закончилось достаточно безобидно, когда леди уехала из города со своим мужем и ребенком: похоже, она расценила наше знакомство как флирт; но для меня это было что угодно, только не флирт!

* * *

– Есть ли смысл рассказывать остальную часть этой дразнящей истории! Впоследствии Возлюбленная являлась все чаще и чаще, и мне было бы невозможно подробно рассказать тебе о ее различных воплощениях. В течение двух или трех последующих лет она приходила девять раз. Четыре раза она маскировалась под брюнетку, дважды – под светловолосое создание, и два или три раза – под не светлый и не смуглый цвет кожи. Иногда она была высокой, красивой девушкой, но чаще, думаю, она предпочитала влезать в кожу

гибкого воздушного существа невысокого роста. Я так привык к этим выездам и возвращениям, что терпел их довольно безропотно; разговаривал с ней, целовал ее, переписывался с ней, жаждал ее в каждом из ее многочисленных обличей. Так продолжалось до тех пор, пока месяц назад я не оказался впервые серьезно озадачен. Она либо вошла, либо нет в образ Эвис Каро, молодой девушки, которую я знал с детства. В целом я решил, что, она таки не вошла в тело Эвис Каро, потому что я до сих пор испытываю к ней лишь огромное уважение.

Здесь Пирстон вкратце рассказал историю своей возрожденной дружбы с Эвис, о грани помолвки, до которой они дошли, и о неожиданном разрыве с его стороны всего лишь из-за встречи с женщиной, в которую Возлюбленная вне всякого сомнения переместилась у него на глазах, – по имени мисс Марсия Бенкомб. Он поведал об их спонтанном решении сразу же пожениться, а затем спросил Сомерса, должен ли он жениться или нет – на ней или на ком-либо еще – в сложившихся обстоятельствах.

– Конечно, нет, – сказал Сомерс. – Хотя, если на ком-то, так на малышке Эвис. Но даже не на ней. Ты такой же, как и другие мужчины, только гораздо хуже. В сущности, все мужчины непостоянны, как ты, но не настолько впечатлительны.

– Вне всякого сомнения, непостоянны – это не то слово! Непостоянство означает усталость от вещи, в то время как

вещь остается прежней. Но я всегда был верен этому неуловимому существу, которое никогда не мог крепко ухватить, если только не удавалось сделать это сразу. И позволь мне сказать тебе, что ее порхание от одной к другой личности было для меня чем угодно, только не удовольствием – и уж точно не бессмысленной игрой по моему наущению. Видеть, как создание, которое до сих пор было совершенным, божественным, теряет на глазах эту самую божественность, которая придавала ей силы, становится заурядным, превращается из пламени в пепел, из сияющей жизненной силы в реликвию, – это что угодно, только не удовольствие для любого мужчины, а для меня это было не иначе как мучительное зрелище. Каждая скорбная опустевшая фигура стоит перед глазами, как гнездо прекрасной птицы, обительница которого улетела и оставила его засыпаться снегом. Я был совершенно несчастен, когда заглядывал в лицо, ища ту, кого раньше видел там, и больше не мог увидеть.

– Тебе не следует жениться, – повторил Сомерс.

– Возможно, и не следует! Хотя, боюсь, бедная Марсия будет скомпрометирована, если я отступлюсь... Разве я не был прав, сказав, что я проклят в этом деле? По счастью, до сих пор никто, кроме меня, из-за этого не пострадал. Зная, чего ожидать, я редко решался на близкое знакомство с какой-либо женщиной, опасаясь преждевременно оттолкнуть того, кто мне дорог в ней, но кто, однако, со временем все равно уходил.

Вскоре после этого Пирстон откланялся. Совет друга по такому вопросу мало что значит. Он быстро вернулся к мисс Бенкомб.

Теперь она была совсем другой. Ее тревога явно снизилась на пару пунктов, на несколько градусов убрав тот надменный изгиб, который время от времени принимали ее губы.

– Как долго вас не было! – воскликнула она с наигранным нетерпением.

– Не берите в голову, дорогая. Все устроено, – сказал он. – Мы сможем пожениться через несколько дней.

– Не завтра?

– Завтра мы не сможем. Мы пробыли здесь недостаточно долго.

– Но откуда люди из «Докторс Коммонс» узнали об этом?

– Ну... я забыл, что проживание, реальное или предполагаемое, было необходимо, и, к сожалению, признал, что мы только что прибыли.

– О, как глупо! Но теперь ничего не поделаешь. Однако, дорогой, я думаю, следовало быть умнее!

VIII. Похожая на вспышку молнии

Они прожили в отеле еще несколько дней, на них с любопытством поглядывали горничные, и время от времени к ним как бы случайно врывались официанты. Когда они гуляли вместе, в основном по закоулкам, опасаясь быть узнаваемыми, то Марсия часто молчала, и ее властное лицо выглядело мрачным.

– Глупышка! – игриво сказал он в один из таких случаев.

– Я раздосадована тем, что ты своими признаниями в «Докторс Коммонс» помешал им сразу выдать разрешение! Это нехорошо, что я продолжаю вот так жить с тобой!

– Но мы собираемся пожениться, дорогая!

– Да, – пробормотала она и снова погрузилась в задумчивость. – Как же неожиданно мы решились на это! – продолжала она. – Я бы хотела получить согласие отца и матери на наш брак. Поскольку мы не сможем заключить его еще день или два, может, послать им письмо и успеем получить их ответ? У меня есть желание написать.

Пирстон выразил свои сомнения в разумности этого шага, что, казалось, заставило ее желать этого еще больше, и в результате между ними произошла размолвка.

– Раз уж мы вынуждены откладывать свадьбу, я не выйду замуж без их согласия! – пылко воскликнула она наконец.

– Очень хорошо, дорогая. Пиши, – сказал он.

Когда они снова оказались в комнатах, она села писать, но через некоторое время в отчаянии отбросила перо.

– Нет, я не могу! – сказала она. – Я не могу поступиться своей гордостью ради такого дела. Может, ты напишешь ради меня, Джослин?

– Я? Не понимаю, почему это должен делать я, тем более, что я считаю это преждевременным.

– Но ты же не ссорился с моим отцом так, как я.

– Хорошо, не ссорился. Но существует давняя вражда, из-за чего мне было бы странно писать. Подожди, пока мы поженемся, и тогда я напишу. Не раньше.

– Тогда, полагаю, это должна сделать я. Ты не знаешь моего отца. Он мог бы простить мне вступление в любую другую семью без его ведома, но он считает твою такой подлой и так возмущается торговым соперничеством, что до самой смерти не простит, если я тайно стану Пирстон. Сначала я об этом не подумала.

Это замечание оставило неприятный осадок в душе Пирстона. Несмотря на свое независимое положение художника в Лондоне, он был верен простому старому родителю, который столько лет упорно противостоял набирающей обороты торговле Бенкомба, и на чьи деньги Джослин получил художественное образование, обучаясь в лучших учебных заведениях. Поэтому он попросил ее больше ничего не говорить о его «подлой семье», и она молча продолжила свое письмо, указав адрес почтового отделения, чтобы их пристанище

не было обнаружено, по крайней мере пока.

С обратной почтой ответа не последовало; но, что было довольно зловеще, несколько писем для Марсии, прибывших к ее отцу уже после ее отъезда, были отправлены по указанному адресу в полном молчании. Она открывала их одно за другим, пока, прочитав последнее, не воскликнула: «Боже милостивый!» – и расхохоталась.

– Что такое? – спросил Пирстон.

Марсия начала читать письмо вслух. Оно было от ее верного возлюбленного, молодого джентльмена с Джерси²⁹, который сообщал, что вскоре собирается отправиться в Англию, чтобы заявить права на свою ненаглядную, согласно ее собственному клятвенному обещанию.

Она была наполовину смешлива, наполовину обеспокоена.

– Что же мне делать? – восклицала она.

– Что делать? Дорогая моя девочка, мне кажется, что нужно сделать только одно, и это довольно очевидная вещь. Скажи ему как можно скорее, что ты уже на пороге замужества.

После этого Марсия написала соответствующий ответ, причем Джослин помогал ей формулировать фразы как можно мягче.

«Повторяю (говорилось в конце письма), что я совсем по-

²⁹ Джерси (англ. Jersey) – остров в проливе Ла-Манш, самый крупный в составе Нормандских островов. Джерси – Коронное владение Британской короны, однако не является частью Великобритании.

забыла! Я глубоко сожалею, но это правда. Я все рассказала своему будущему мужу, и он заглядывает мне через плечо, пока я пишу».

Увидев, что она написала, Джослин сказал:

– Ты могла бы опустить последние несколько слов. Они будут лишним ударом для бедного мальчика.

– Ударом? Дело не в этом, дорогой. Почему он хочет докучать мне? Джослин, ты должен быть очень горд тем, что я вообще упомянула тебя в своем письме. Вчера ты сказал, что я была самонадеянна, заявив, что могла бы выйти замуж за того ученого, о котором я тебе рассказывала. Но теперь ты видишь, что был еще один доступный вариант.

Он мрачно:

– Ладно, я не хочу об этом слышать. На мой взгляд, такого рода вещи решительно неприятны, хотя ты относишься к ним так легкомысленно.

– Ну, – надулась она, – я сделала только половину того, что сделал ты!

– Что именно?

– Я оказалась лживой только по забывчивости, а ты – при памяти!

– О да, конечно, ты можешь использовать Эвис Каро в качестве возражения. Но не сердь меня из-за нее и не заставляй предаваться такой неожиданной вещи, как сожаление о своей лживости.

Она плотно сжала губы, и лицо ее вспыхнуло.

А на следующее утро пришел ответ на то письмо, в котором спрашивалось согласие ее родителей на их союз; но, к изумлению Марсии, ее отец занял совсем иную позицию, чем она от него ожидала. Скомпрометировала ли она себя или нет, для него, коренного островитянина, родившегося в те времена, когда в семьях преобладали старинные взгляды на брак, казалось вопросом будущего, а не настоящего; он был непоколебим в своем неодобрении ее брака с ненавистным Пирстоном. Он не давал согласия; он не собирался больше ничего говорить, пока не увидит ее: если у нее есть хоть капля здравого смысла, она, если все еще не замужем, вернется в дом, из которого ее, очевидно, выманили. Тогда он подумает, что можно сделать для нее в тех отчаянных обстоятельствах, в которые она себя поставила; в противном же случае он ничего делать не станет.

Пирстон не мог удержаться от сарказма по поводу явно низкой оценки ее отцом его самого и его родных; и Марсия обиделась на его язвительность.

– Если кто-то и заслуживает колкостей, так это я! – проговорила она. – Я начинаю чувствовать, что была глупой девчонкой, которая сбежала от отца по столь пустячной причине, как небольшой нагоняй за превышение карманных расходов.

– Я советовал тебе вернуться, Марси.

– В некотором роде, но не в том тоне. Ты самым презрительным образом отзывался о честности моего отца как тор-

говца.

– Боюсь, я не мог говорить о нем иначе, чем говорил, зная, что...

– Что ты можешь сказать против него?

– Тебе, Марси, ничего... Кроме того, что является общеизвестным. Все знают, что в свое время он сделал делом своей жизни разорить моего отца; и то, как он упоминает обо мне в этом письме, показывает, что его вражда все еще продолжается.

– Скрыгу погубил такой великодушный человек, как мой отец! – сказала она. – Похоже на то, что у вас говорят об этом в ложном свете!

Глаза Марсии вспыхнули, а лицо запылало гневным жаром; усиленная красота, что могла быть подчеркнута этой теплотой, была погублена прямолинейной суровостью выражения лица, которая сопутствовала этому.

– Марсия, твой характер просто невыносим! Я мог бы подробно рассказать тебе о каждом шаге этого дела – любой бы мог – о захвате каменоломен одной за другой и обо всем остальном, мой отец выстоял только благодаря самому отчаянному мужеству. Никто не закрывает глаза на факты. Отношения наших родителей – уродливый факт в тех обстоятельствах, в которых оказались мы, два человека, желающие пожениться, и мы только начинаем это осознавать; и как мы собираемся с этим справиться, я не могу сказать.

Она размеренно проговорила:

– Я не думаю, что мы вообще с этим справимся!

– Можем не... можем не справиться... совсем, – пробор-мотал Пирстон, глядя на прекрасную картину презрения, представленную классическим лицом и темными глазами его Юноны.

– Если только ты не попросишь у меня прощения за то, что так себя вел!

Пирстон никак не мог заставить себя осознать, что он плохо вел себя со своей слишком властной леди, и отказался просить прощения за то, чего не совершал.

После этого она вышла из комнаты. Позже, в тот же день, она вернулась и нарушила молчание, с горечью сказав:

– Я только что проявила вспыльчивость, как ты мне и сказал. Но у всего есть свои причины, и, возможно, это была ошибка, что ты бросил Эвис ради меня. Вместо свадьбы с Розалиной³⁰ Ромео должен сбежать с Джульеттой. К счастью для любви этих двух веронских влюбленных, они умерли в нужный момент. Довольно скоро вражда их семей стала бы плодотворным источником разногласий; Джульетта вернулась бы к своим людям, он – к своим; эта ситуация расколола бы их так же сильно, как она раскалывает нас.

Пирстон слегка улыбнулся. Но Марсия была крайне серьезна, в чем он убедился за чаем, когда она сказала, что

³⁰ Розалина – персонаж-невидимка трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», кузина Джульетты. Безответная любовь Ромео к Розалине заставляет его попытаться мельком взглянуть на нее на собрании, устроенном семьей Капулетти, во время которого он впервые замечает Джульетту.

после его отказа просить у нее прощения она все обдумала и решила все-таки поехать к тете – во всяком случае, до тех пор, пока не удастся убедить ее отца согласиться на их союз. Пирстон был так же потрясен этой ее решимостью, как и удивлен ее независимостью в обстоятельствах, которые обычно заставляют женщин действовать с точностью до наоборот. Но он не стал чинить препятствий на ее пути, и с поцелуем, странно холодным после их недавней пылкости, Ромео Каменных-дел-Монтекки вышел из отеля, чтобы избежать даже видимости давления на свою Джульетту из враждующего дома. Когда он вернулся, ее уже не было.

* * *

Между этими слишком поспешно давшими друг другу обещание людьми завязалась переписка, которая велась в русле серьезных рассуждений об их затруднительном положении из-за семейной вражды. Они видели свою недавнюю любовь такой, какой она и была:

«Слишком опрометчивой, слишком необдуманной, слишком внезапной;

Похожей на вспышку молнии...»³¹

Они смотрели на это тем взглядом, спокойствие, холодность и, к слову сказать, благоразумие которого не сулили ничего хорошего их воссоединению.

³¹ Строки из трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», действие второе, сцена вторая.

Их прения были завершены последним письмом от Марсии, отправленным не откуда-нибудь, а из ее недавно покинутого дома на острове. Она сообщала, что ее отец внезапно появился у ее тети и уговорил ее поехать с ним домой. Она рассказала отцу все обстоятельства их побега и то, какие случайности стали его причиной; он окончательно убедил ее в том, в чем она и так уже была почти убеждена из-за их разногласий, – что все мысли об их браке следует, по крайней мере, отложить на время; любая неловкость или даже скандал лучше, чем если бы они сразу соединились на всю жизнь на почве двух-трехдневной бесплодной страсти и стали бы несчастными жертвами положения, которое никогда не смогут изменить.

Пирстон достаточно ясно сознавал, что обязан ее отцу – урожденному островитянину со всеми старинными островными представлениями о браке, лежащими в основе его устоявшихся взглядов, – в том, что торговец камнем не стал сразу настаивать на обычном в таких случаях средстве от опрометчивости дочери, а предпочел подождать результатов.

Но молодой человек все еще думал, что сама Марсия, когда подостынет и лучше осознает свое истинное положение, вернется к нему, несмотря на враждебность семьи. Против такого шага никаких общественных предпосылок не было. По рождению они находились примерно на одном уровне; и хотя семья Марсии уже начала накапливать богатство

и выделяться в обществе, что давало основания полагать, что преимущества в этом браке будут в основном на одной стороне, Пирстон был скульптором и мог в этом прославиться. Так что в перспективе их брак нельзя было считать неблагоприятным для женщины, которая, помимо того, что была вероятной наследницей значительного состояния, не имела никаких особенных возможностей.

Таким образом, несмотря на разочарование, он считал долгом чести оставаться на дежурстве по своему лондонскому адресу до тех пор, пока существовала хоть малейшая вероятность нового появления Марсии или, например, получения послания с просьбой воссоединиться с ней, чтобы они, в конце концов, могли вместе пойти к алтарю. И все же по ночам ему казалось, что он слышит язвительные голоса и смех на ветру по поводу такого развития его маленького романа, а в течение долгих и бесцветных дней ему приходилось сидеть и наблюдать печальный уход своей Возлюбленной из того обличья, который он еще недавно лелеял, пока она не исчезла вовсе. Точного момента ее полного исчезновения Пирстон не знал, но ни одна ее черта больше не была различима в очертаниях Марсии, ни один ее звук не звучал в воспоминании о тембре ее голоса. Их знакомство, хотя и было таким пылким, было слишком кратким, чтобы она могла задержаться надолго.

Настало время, когда он узнал из заслуживающего доверия источника две новости, касающиеся его самого. Од-

ной из них был брак Эвис Каро с ее кузеном, другой – то, что Бенкомбы отправились в кругосветное путешествие, которое должно было включать посещение родственника мистера Бенкомба, банкира в Сан-Франциско. После ухода из прежнего крупного бизнеса торговец камнем не знал, чем занять свой досуг, и, обнаружив, что путешествия полезны для здоровья, решил таким образом себя побаловать. Хотя ему не сообщали об этом, Пирстон пришел к выводу, что Марсия, похоже, обнаружила, что в результате их побега ничего не произойдет, и что она сопровождает своих родителей. Он был больше, чем когда-либо, поражен тем, что это означало – упрямое неприятие ее отцом союза дочери с человеком его крови и фамилии.

IX. Знакомые явления на расстоянии

Мало-помалу Пирстон снова вошел в привычную колею своего существования, и его профессия стала занимать его, как и прежде. В следующие год или два он лишь однажды получил от кого-то из жильцов своего прежнего дома известие о передвижениях Бенкомбов. Длительное путешествие родителей Марсии пробудило в них интерес к другим местам и странам; и поговаривали, что ее отец, человек, обладавший все еще крепким здоровьем, за исключением редких периодов, использовал возможности, которые ему открывал его космополитизм, и вкладывал капитал в иностранные предприятия. То, что только предполагалось, оказалось правдой: Марсия была с ними; необходимости в воссоединении с Пирстоном не возникло; и, таким образом, его разлука с почти замужней женой по обоюдному согласию, вероятно, станет постоянной.

Казалось, что он вряд ли когда-нибудь снова откроет для себя плотскую обитель навязчивой любимицы его воображения. Подойдя к браку с Марсией настолько близко, что даже было подано заявление на получение разрешения, он долгое время чувствовал себя морально связанным с ней зарождающимся соглашением и намеренно не оглядывался по сторонам в поисках исчезнувшей Идеальности. Таким образом, в течение первого года отсутствия мисс Бенкомб, будучи аб-

солютно обязанным хранить верность последнему воплощению неуловимой, если она вернется с притязаниями на него, этот человек со странным воображением порой трепетал при мысли о том, что стало бы с его торжественным устремлением, если бы Призрак вдруг объявился в неожиданном месте и соблазнил его прежде, чем он успел бы опомниться. Раз или два ему мерещилось, что он видит ее вдалеке – в конце улицы, на далекой песчаной отмели, в окне, на лугу, на противоположной стороне железнодорожной станции; но он решительно поворачивался на каблуках и шел в другую сторону.

В течение многих небогатых событиями лет, последовавших за обретением Марсией независимости (которой он временами тайно восхищался), Джослин вкладывал в свои пластические творения тот вечно бурлящий источник чувств, который, не имея выхода в пространство, может вырваться наружу и всех погубить, кроме самых великих людей. Вероятно, именно благодаря этому, а вовсе не из-за заботы или беспокойства о таком результате, он добился успеха в своем искусстве, успеха, который, казалось бы, благодаря внезапному рывку одним махом перенес его через преграды многих лет.

Он преуспевал без усилий. Он уже был А. К. А.³²

Но признание такого рода, общественные награды, кото-

³² А. К. А. (англ. A. R. A.) – Академик Королевской Академии (англ. Academician Royal Academy of Arts in London).

рых он когда-то так страстно желал, теперь, казалось, не имели для него никакого значения. По случайности оставшись холостяком, он вращался в обществе, не имея ни душевного приюта, ни святыни, которую мог бы назвать своей; и, за неимением домашнего очага, вокруг которого могли бы группироваться почести, они беспрепятственно рассеивались, не накапливаясь и не прибавляя веса к его материальному благополучию.

Он продолжал бы работать резцом с тем же жаром, даже если бы его творения были обречены на то, чтобы их не видел никто из смертных, кроме него самого. Это безразличие к тому, как публика воспримет персонажи его грез, придавало ему любопытный артистический апломб, который позволял ему преодолевать колебания общественного мнения, не позволяя нарушаться присущему только ему уклону.

Изучение красоты было его единственной радостью на протяжении многих лет. На улицах он замечал лицо или часть лица, которое, казалось, с точностью до волоска выражало в изменчивой плоти то, что он в данный момент желал выразить в долговечной форме. Он изворачивался и следовал за владельцем, как сыщик: в омнибусе, в кэбе, на пароходе, сквозь толпу, в магазины, церкви, театры, пабы и трущобы – главным образом, чтобы, оказавшись вблизи, разочароваться в своих стараниях.

В этих профессиональных погонях за красотой он иногда бросал взгляд через Темзу на причалы на южной стороне,

а именно на тот, где ежедневно выгружались тонны отцовского камня из кечей³³ южного побережья. Время от времени он мог различить лежащие там белые блоки, огромные кубы, которые его родитель так настойчиво откалывал от скалы на острове в Английском канале, что казалось, со временем они будут отколоты полностью.

Он не мог понять одного: из какой области наблюдений поэты и философы вынесли свое предположение о том, что любовная страсть наиболее сильна в юности и угасает по мере наступления зрелости. Возможно, именно из-за своего полного домашнего одиночества в течение продуктивного периода, последовавшего за первыми годами после отъезда Марсии, когда он дрейфовал от двадцати пяти к тридцати восьми годам, Пирстон иногда страстно любил – хотя, правда, и с полным самообладанием – неизвестном ему, когда он был зелен в своих суждениях.

* * *

Его эксцентричное островное воображение развилось до такой степени, что Возлюбленная – теперь снова видимая – всегда существовала где-то рядом с ним. В течение нескольких месяцев он находил ее на сцене театра: затем она улетала, оставляя приютившую ее бедную, пустую оболочку.

³³ Кеч, кэч (англ. ketch) – тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами. Появились в середине XVII века в Англии и Северной Америке как рыболовные и торговые суда.

ку самостоятельно мумифицироваться – в его глазах это была жалкая брошенная фигурка, обремененная несовершенствами и запятнанная банальностью. Возможно, она снова появится в образе поначалу незамеченной леди, встреченной на каком-нибудь модном вечере, выставке, благотворительном балу или ужине; чтобы, в свою очередь, перепорхнуть от нее через несколько месяцев и стать изящной лавочницей на каком-нибудь большом складе тканей, куда он забредет по необычному делу. Затем она оставит и этот образ и вновь откроет себя в облике какой-нибудь известной писательницы, пианистки или скрипачки, перед святыней которой он будет поклоняться, возможно, в течение года. Однажды она была танцовщицей в Королевском мавританском театре-варьете³⁴, хотя за все время ее пребывания в этом заведении он ни разу не обмолвился с ней ни словом, и она ни в первый, ни в последний раз не подозревала о его существовании. Он знал, что десятиминутный разговор за кулисами с этой реальной субстанцией заставит неуловимого Призрака испуганно скрыться в какой-нибудь другой, еще менее доступной фигуре-маске.

Она была блондинкой, брюнеткой, высокой, миниатюрной, стройной, с правильными чертами лица, полной, с округлыми формами. Только одно качество оставалось

³⁴ Видимо, имеется в виду театр Альгамбра – лондонский театр, пользовавшийся популярностью в конце XIX – начале XX века. Построен в стиле мавританского дворца Альгамбра в Гранаде.

неизменным: ее непостоянство в отношении места пребывания. Говоря словами Бёрне³⁵, в ней не было ничего постоянного, кроме перемен.

«Странно, – говорил он себе, – что этот мой опыт, или идиосинкразия³⁶, или что бы это ни было, который для других людей был бы пустой тратой времени, для меня превращается в серьезное дело». Ибо все эти мечтания он воплощал в гипсе и обнаруживал, что они поражают вкус публики, на который он никогда намеренно не ориентировался и который по большей части презирал. Короче говоря, ему грозила опасность скатиться от солидной артистической репутации к дешевой популярности, которая, возможно, будет столь же кратковременной, сколь блестящей и захватывающей.

– Когда-нибудь ты попадешься, мой друг, – иногда замечал ему Сомерс. – Я не хочу сказать, что ты замешан в чем-то предосудительном, поскольку признаю, что на практике ты столь же идеалистичен, как и в теории. Я имею в виду, что процесс может пойти вспять. Какая-нибудь женщина, чей Возлюбленный порхает вокруг нее точно так же, как твоя,

³⁵ Карл Людвиг Бёрне (наст. имя Иуда Лейб Барух, 1786 – 1837) – немецкий публицист и писатель. разумеется, Гарди не мог не вспомнить при этом строку из стихотворения П. Б. Шелли «Изменчивость»: «Лишь неизменна здесь Изменчивость одна» (1816, пер. К. Д. Бальмонта)

³⁶ Идиосинкразия (от греч. *ídios* – своеобразный, особый, необычный и *sýnkrasis* – смешение) – болезненная реакция, возникающая у отдельных людей на раздражители, которые у большинства других не вызывают подобных явлений.

привлечет твое внимание, и ты присосешься к ней, словно пиявка, в то время как она последует за своим Призраком и оставит тебя страдать, как тебе заблагорассудится.

– Может быть, ты и прав, но я думаю, что ты ошибаешься, – возразил Пирстон. – Как плоть, она умирает ежедневно, подобно апостольскому материальному «я»; потому что, когда я сталкиваюсь с реальностью, ее в ней больше нет, так что я не могу придерживаться одного воплощения, даже если бы захотел.

– Подожди, пока не станешь старше, – сказал Сомерс.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК СОРОКА ЛЕТ

*Поскольку Купидон потребует, чтоб я любил,
Под натиском я должен согласиться:
И так как ни одна случайность не отнимет
Любовь в богатстве и невзгодах,
Я сам всегда служить ей буду
И терпеливо от нее страданья принимать.
Сэр Т. Уайет³⁷*

І. Давний призрак становится явственным

Многолетняя творческая активность Пирстона была внезапно прервана известием о скоропостижной смерти отца в Сэндборне, куда торговец камнем отправился сменить обстановку по совету своего врача.

Следует признать, что мистер Пирстон-старший был несколько скуп в семейной жизни, о чем Марсия так опрометчиво напомнила его сыну. Но он никогда не скупился

³⁷ Сэр Томас Уайет (англ. Thomas Wyatt; 1503 – 1542) – английский государственный деятель, дипломат и поэт. Посвятил ряд стихотворений своей предполагаемой возлюбленной Анне Болейн.

на Джослина. Он был довольно жестким руководителем, хотя как казначей заслуживал доверия; человек с деньгами, справедливый и невеликодушный. К всеобщему удивлению, капитал, сколоченный им на торговле камнем, был довольно велик для бизнеса, который велся столь ненавязчиво, – гораздо большим, чем Джослин когда-либо считал возможным. В то время как сын лепил и обтесывал свои эфемерные фантазии, превращая их в вечные формы, отец в течение полувека упорно долбил грубую первооснову этих форм – суровую, изолированную скалу в Канале; и с помощью своих кранов и шкивов, своих тележек и лодок отправлял добычу во все уголки Великобритании. Когда Джослин завершил все дела и распорядился бизнесом в соответствии с завещанием отца, оказалось, что он смог добавить около восьмидесяти тысяч фунтов к тем двенадцати тысячам, которыми он уже располагал от профессиональной деятельности и других источников.

После продажи нескольких объектов недвижимости, кроме каменоломен, поскольку он не собирался жить на острове, Пирстон вернулся в город. Он часто задавался вопросом, что стало с Марсией. Он обещал ее больше не беспокоить, и вот уже двадцать лет этого не делал, хотя часто вздыхал о ней как о подруге, обладающей безупречным здравым смыслом в житейских трудностях.

Ее родители, по его мнению, умерли, и она, как он был уверен, никогда не возвращалась на остров. Возможно, у нее

завязались какие-то новые связи за границей, и найти ее под старым именем было почти невозможно.

Наступила спокойная пора. Едва ли не первое его появление в обществе после смерти отца случилось, когда он однажды вечером, не зная, чем заняться, откликнулся на приглашение одной из немногих знатных дам, которых он причислял к своим друзьям, и отправился в кэбе на ту площадь, где она жила в течение трех или четырех месяцев в году.

Экипаж повернул за угол, и открылся вид на дома северной стороны, одним из которых был ее дом, со знакомым факельщиком у дверей. На балконе также был свет: горели китайские фонари. Он вмиг понял, что обычный «маленький и ранний» прием в этот раз превратится в нечто очень похожее на «большой и поздний». Он припомнил, что недавно разразился политический кризис, из-за которого собрание графини Ченнелклифф весьма расширилось; ибо ее дом был одним из тех нейтральных, или аполитичных, где вопросы политики обсуждались более свободно, чем на официальных партийных собраниях.

Вереница экипажей была так велика, что Пирстон не стал дожидаться своей очереди у дверей, а незаметно вышел в нескольких ярдах от них и пошел дальше пешком. Ему пришлось несколько задержаться из-за толпы зевак, преградившей ему путь, и в это время несколько дам в белых накидках вышли из своих экипажей и направились к входу по расстеленной для этой цели ковровой дорожке. Он не видел их

лиц, ничего, кроме смутных очертаний, и все же его внезапно охватило предчувствие. Суть его заключалась в том, что в этот вечер он, возможно, вновь встретится с Возлюбленной: после своего долгого отсутствия она явно намеревалась вновь появиться и опьянить его. Этот влажный блеск ее глаз, эта музыка ее речи, этот поворот головы – как хорошо он знал все это, несмотря на обилие незначительных внешних перемен, и как мгновенно узнал бы ее, скрывающуюся за любым лицом, очертаниями, произношением, ростом или осанкой, которые она могла выбрать для своей маски!

Другая догадка Пирстона о том, что вечер должен стать оживленным политическим мероприятием, получила подтверждение, как только он добрался до зала, где кипящее возбуждение ощущалось переливающимся через край сверху вниз по лестнице – характерная черта, которую он всегда замечал, когда в мире партий и фракций случались какие-либо кульминационные моменты или сенсации.

– И где же вы так долго пропадали, молодой человек? – лукаво спросила его хозяйка, когда он пожал ей руку (Пирстона неизменно считали молодым человеком, хотя ему было уже около сорока). – Ах да, конечно, я помню, – добавила она, на мгновение став серьезной при мысли о его потере. Графиня была добродушной женщиной с манерами, граничащими с таким часто встречающимся женским качеством как чувство юмора, и быстро проникалась сочувствием.

Затем она принялась рассказывать ему о скандале в по-

литической партии, к которой она формально принадлежала, разразившемся в результате нынешнего кризиса, и что она поклялась из-за этого навсегда отказаться от политики, так что он должен был с этого момента считать ее более нейтральной хозяйкой, чем когда-либо. К этому времени наверх поднялось еще несколько человек, и Пирстон собрался двинуться дальше.

– Вы кого-то ищете – я это вижу, – сказала она.

– Да, одну леди, – проговорил Пирстон.

– Скажите мне ее имя, и я попытаюсь вспомнить, здесь ли она.

– Я не могу; я этого не знаю, – ответил он.

– В самом деле? Какая она из себя?

– Я не могу описать ее, даже ее комплекцию или наряд.

Леди Ченнелклифф состроила недовольную гримаску, словно подумала, что он дразнит ее, и он двинулся дальше по течению. Дело в том, что на мгновение Пирстону показалось, что он сделал захватывающее дух открытие: та, кого он искал, скрывалась в лице той самой хозяйки, с которой он беседовал, которая всегда была очаровательна, а в этот вечер – особенно; он просто почувствовал зарождающийся ужас перед возможностью такой проделки его Возлюбленной, которая однажды уже решила воплотиться в образе замужней женщины, хотя, к счастью, в тот раз обошлось без серьезных последствий. Однако он чувствовал, что ошибся, и что это наваждение было вызвано исключительно сильно

наэлектризованным состоянием, в котором он оказался из-за своей недавней изоляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.